— Allig11 12

МЫСЛИ ВЪ СЛУХЪ

НА

КРАСНОМЪ КРЫЛЬЦѢ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПИСЬМА СИЛЫ АНДРЕЕВИЧА БОГАТЫРЕВА КЪ ОДНОМУ ПРІЯТЕЛЮ ВЪ МОСКВѢ.

МОСКВА,
Въ Типографіи Платона Бекетова.

1807.

З-й экз

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

МЫСЛИ ВЪ СЛУХЪ

НА

КРАСНОМЪ КРЫЛЬЦѢ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Ефремовской дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной Подполковникъ, израненной на войнахъ, три выбора предводитель дворянской и Кавалеръ Георгіевской и Владимірской отправился изъ села Зажишова по случаю Милиціи въ Тулу для закупки ружей и узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, проѣхалъ въ Москву для развѣдыванія о двухъ сыновьяхъ, братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебенъ за здравіе Государя, и отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ, по выходѣ въ прекрасной день сѣлъ на Красномъ Крыльцѣ для отдохновенія, и преисполненъ бывъ великими произшествіями, славою Россіи и своими замѣчаніями, положа локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталъ думать въ слухъ — тако:

Господи помилуй! да будетъ ли этому конецъ? долголи намъ быть обезьянами? не порали опомнится, приняпся за умъ, сотворить молитву и плюнувъ, сказать Французу: згинь ты дьявольское навожденіе! ступай въ адъ, или въ свояси, все равно, только не будь на Руси.

Прости Господи! ужь ли Богъ Русь на то создалъ чтобъ она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей кормилицѣ и спасибо никто не скажетъ. Ее жъ браняпъ всѣ не наживотъ, а на смерть. Пріѣдетъ Французъ съ висилицы, всѣ его наперехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ: либо принцъ, либо богачь, за вѣрность и Вѣру пострадалъ, а онъ собака холопъ, либо купчишка, либо подъячій, либо попъ разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли двѣ, да и пустится либо въ торгъ, либо въ воспитанье, а иной и грамотѣ та плохо знаетъ.

Боже мой! да какъ же предки наши жили безъ Французскаго языка; а служили Вѣрой и правдою, Государю и Отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное и помнили заповѣди Господни и присягу свою? За то имъ слава и Царство небесное!

Спаси Господи! чему дѣтей нынче учатъ! выговаривать чисто по Француз-

ски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Толпъ и умень и хорошъ, котораго Французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и Русской языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за Вѣру, за Царя и за Отечество, когда они закону Божьему не учены и когда Рускихъ щитаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ пупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять не льзя что врутъ и что дѣлаютъ. Всему свое названье: Богъ помочь, *Bon jour*; отецъ, *Monsieur*; старуха мать, *Maman*; холопъ, *Mon ami*; Москва, *Ridicule*; Россія, *Fi donc*. Сущіе дѣти и духомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются.

Господи помилуй! только и видишь что молодешъ одѣтую, обутую по французски; и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ Французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а Царство небесное Парижъ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ и бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей, убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодыя сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ за мужъ за Французовъ и гнушаются Рускими. Одѣты какъ мать наша Евва въ раю, сущія

кывѣски торговой бани, либо мяснаго ряду. Даже и Чухонцы сказываюпся Лифляндцами, а эти Нѣмцами. Охъ тяжело! дай Боже сто лѣтъ здравствовать ГОСУДАРЮ Нашему, а жаль дубины Петра Великаго взять бы ее хоть на недѣльку изъ кунсткъ-камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дуръ. Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшной!

Прости Господи! все по Французски, все на ихъ манеръ; пора уняться; чего лучше быть Рускимъ, не стыдно нигдѣ показатся, ходи носъ въ верьхъ, есть что порасказать, а слушать иной хоть не радъ да готовъ. Вить что за люди къ намъ ѣздятъ, и кому дѣтей своихъ мы ввѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а въ прочемъ хоть иконы обдери, ей Богу, стыдъ! во всѣхъ земляхъ по Французски учатся, но для того, чтобъ умѣть писать, читать, и говорить внятно. Ну! не смѣшно ли нашему дворянину покажется, естьли бы Русской языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ Французской; чтобъ псарь Климка, поваръ Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка, и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму. А вотъ, съ позволенія сказать это то у насъ лѣтъ ужъ придцать какъ завелось и по нещастью не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды.

Владыко мой! да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? все есть, или быть можетъ: ГОСУДАРЬ милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Россія извѣстна лѣтъ съ полтораста. А какія великія люди въ ней были и есть! Воины: Шуйской, Голицынъ, Меньщиковъ, Шереметевъ, Румянцовъ, Орловъ и Суворовъ; спасители отечества: Пожарской и Мининъ; Москвы: Еропкинъ; главы духовенства: Филаретъ, Ермогенъ, Прокоповичь и Платонъ; великая женщина дѣлами и умомъ Дашкова; министры: Панинъ, Шаховской, Марковъ; писатели: Ломоносовъ, Сумороковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Нелединской, Дмитріевъ и Богдановичь. Всѣ они знали и знаютъ Французской языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше Русскова.

Царь небесный! мало этова, вотъ еще вамъ. Слушайте что такое Русь. ГОСУДАРЬ пожелалъ милиціи, и явилась; да какая! не двадцать тысячъ, не пятьдесятъ, не осудите, шесть сотъ двенадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники? — Рускіе дворяна, вѣрные слуги Государскія, вѣрныя сыны Отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили Вѣрой и правдою подъ Казанью,

подъ Полтавой, подъ Каменной Москвой; милiоны посыпались, всѣ вооружилися; и отъ Ледянаго моря до Чернова, отъ сердца и души закричали: всѣ готовы, идемъ и побьемъ!

Господи помилуй! да что за народъ эти Французы! копѣйки не стоитъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху, ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго не примись, либо философъ, либо Римлянинъ, а все наровитъ въ карманъ; трусливъ какъ заяцъ, шалостливъ какъ кошка; хоть не много дай воли, потачась и напроказитъ. Да вотъ то бѣда, что наша молодешъ читаетъ Фоблаза, а не Исторiю; а то бы увидѣла, что въ Французской всякой головѣ вѣтреная мельница, госпиталь и сумашедшей домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники; два лишъ правила у нихъ есть: *все хорошо, лишь бы удалось. Что можно взять, то должно прибрать.* Хоть не много по шерсти погладятъ, то и бунтъ. Вить что проклятыя надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все изтребили, пожгли и раззорили. Сперьва стали умствовать, потомъ спорить, бранится, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, Царя казнили, да какого Царя! — Отца. Головы рубили, какъ капус-

му; всѣ повелѣвали, то тотъ, то другой злодѣй. Думали что это будто равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть, опрокинулись къ сосѣдямъ, и почали грабить и душить Нѣмцовъ и Венгерцовъ, Италіанцовъ и Гишпанцовъ, Голландцовъ и Швейцарцовъ, приговаривая: послѣ спасибо скажите. А тамъ явился Бонапартъ; ушолъ изъ Египта, шикнулъ и все замолчало. Погналъ Сенатъ въ задшей, забралъ все въ руки, запрегъ и военныхъ и свѣтскихъ и духовныхъ и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ республика! давай Бонапарта короновать, а ему-то и на спать. Вотъ онъ и сталъ глава Французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то есть: плакать и крехтѣть, а онъ какъ угорѣлая кошка и пошелъ метаться изъ углу въ уголъ, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, Французы головешки, а Бонапарте кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошолъ драть. Италію разграбилъ, двухъ Королей на острова отправилъ, Цесарцовъ обдулъ, Прусаковъ

до нага раздѣлъ и разулъ, а все мало! весь міръ захотѣлъ покорить, что за Александръ Македонскій? Мужичишка въ рекруты не годится, ни кожи, ни рожи, ни виденья, разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ; а онъ таки лезетъ впередъ на Русскихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу и стали бубновова Короля катать, подъ Пулпускомъ по щекъ, сталъ покашливать, подъ Эйлау по другой и свѣту Божьева не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскія такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ.

Слава тебѣ, Россійское побѣдоносное Христіанское воинство! Честь ГОСУДАРЮ нашему, и Матушкѣ Россіи! Слава вамъ, герои Россійскія: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Докторовъ, Волконской, Долгорукой! Вѣчная память, юноша храброй Голицынъ! Молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики воздохнутъ не разъ, раздѣляютъ печаль тяжкую съ отцомъ твоимъ, матерью и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о нещастной судьбѣ твоей. Радуйся Царство Русское! Всемірной врагъ предъ тобою уклоняется, богатырской твоей силою истребляется! Онъ пришолъ, какъ свирепой левъ, хотѣлъ все пожрать; теперь бѣжитъ, какъ голодной волкъ, только озирается и зубами пощолкиваетъ.

Не щади звѣря лютова, тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура Русскіе! вы одни молодцы. Побѣда предъ вами, Богъ съ вами, Россія за вами.

За симъ Сила Андреичь взялъ съ восторгомъ глаза къ небу, слезы покатились изъ нихъ на землю, и смѣшались въ ней съ слезами радости и печали пролитыми въ теченіи двухъ вѣковъ на мѣстѣ семъ сынами Отечества; потомъ, онъ всталъ, посмотрѣлъ на Кремль, вынулъ табакерку съ Полтавскою медалью, перекрестился и пошелъ въ Спаскія ворота домой. — Миръ съ тобой Сила Андреичь — многія тебѣ лѣта здравствовать.

ПИСЬМО

СИЛЫ АНДРЕЕВИЧА БОГАТЫРЕВА, КЪ ОДНОМУ ПРІЯТЕЛЮ ВЪ МОСКВѢ.

Любезной другъ, Кузма Филатычь!

Получая отъ скуки Московскія газеты, увидѣлъ, что я напечатанъ и расхваленъ безъ спросу, Господь вѣдаетъ, по какой причинѣ. Не мудрено что меня кой кто въ Москвѣ знаетъ, потому что многія честныя люди по милости своей не оставляютъ, а какъ подслушали что у меня въ головѣ бродило, то это права диковина! Видно много праздношатающихся, или уши длиннѣй стариннова стали, или я и заправду таки рѣчи говорилъ. Ну, да что за бѣда, Господи помилуй! я мужикъ старой; кто осудитъ ему же стыд-

но будетъ. Бранить не диковина, да было бы за что? А у меня что на умѣ, то и на языкѣ. Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку. Какъ я прочиталъ что меня хвалятъ, то сказалъ, ба! опять въ честь попалъ. Смотри пожалуй! дай Богъ чтобъ въ прокъ пошло. Подслушивать охотниковъ много, и слушать таки есть, а слушался мало. Право такъ! я радъ сидя разговаривать одинъ, пусть говорятъ что съ ума сошелъ, отъ слова ничево не подѣлится, дай Богъ мнѣ доброе здоровье, а имъ типунъ на языкъ. Согрѣшилъ грѣшной! Ну да это бы все и такъ и сякъ, да вотъ что больно: За чѣмъ перекроили меня? Вить я думалъ что хотѣлъ, а другой изволилъ придумать иное. Кто просилъ? Инова всунули, другова вытолкнули, а тамъ оговорка: жеска дискать рѣчь. И вѣдома такъ, вить правда не пуховикъ. Это нынче изъ нее дѣлаютъ помаду. Про меня грѣхъ сказать, что мягко стелитъ да жоска спать. И ужъ вышло мнѣ Красное Крыльцо сокомъ! въ кои та вѣки присѣлъ отдохнуть, на немъ потелъ, да и отъ него потею. Господи помилуй, да будетъ ли этому конецъ! а про васъ то слово,

я говорилъ дѣло. Пусть мои рѣчи толкуютъ, да своихъ не примѣчивай.

А я мой другъ по отпускѣ сего письма живъ и здоровъ. ѣздилъ нарочно въ Калугу смотрѣть плѣнныхъ Французовъ. Какъ гусей стадами гонятъ. Насмѣшили проклятые, оборваны какъ нищія; видно у нихъ комиссиріату нѣтъ, и что за мѣлочь! что за худерба! любымъ въ курилку играй. Ну ужъ настоящей народъ заморской. Всѣ обросли бородами, да и не диви, съ каторги! ради что въ полонъ попались. Ужъ тутъ не да цукерброту. Такъ ржаной хлѣбъ уписываютъ, что за ушьми пищитъ. А нахальство все есть. Одинъ увидѣлъ меня въ мундирѣ, говоритъ: бонъ журъ капитенъ! Ужъ я такъ ему спустилъ, не захотѣлъ рукъ марать. Богъ и Каина живова оставилъ на свѣтѣ. А милиціонныя наши такъ и валяются со смѣху. Спрашиваютъ, гдѣ остальные? Хотятъ до тѣхъ добраться. Одинъ крикнулъ Французу на ухо: ура! а онъ и козе мъ, только ножками подрягиваетъ. Хорошъ воинъ! да ихъ шапками замѣчутъ. Только боюсь, чтобъ плѣнныхъ то не разобрали по домамъ въ учители. Вотъ

ужѣ будетѣ бѣда. Тогда и я скажу Фидонѣ. Прощай другѣ сердечной!

Твой доброжелательной,
Сила Богатыревѣ.

А сынѣ Лёвушка пишетѣ, что на третей день послѣ баталіи, опять при ротѣ. Въ этомъ путь будетѣ. Его ранили въ руку, да голову порубили; говоритѣ что кровью было изошелъ — туда ей и дорога — за Отечество.

29 Апрѣля, 1807 года.
Село Зажитово.

-13286